

Комнинам, поскольку, как писал Панарет, они были „слишком легкодоступным и богатым объектом и для чепни, и для лавов, так же как и для соседних армий Пайперта“» (с. 171—172) — этой фразы у Панарета, однако, нет.

Со ссылкой на У. Миллера, А. Саввидис утверждает, будто кавказское племя тпанов «приняло в 1345 г. участие в одном из тюркских походов в область Понта» (с. 162, примеч. 2), но это ошибочное мнение. У. Миллер неверно толкует текст Панарета, который сообщает об участии в тюркском набеге на Трапезунд неких Τζιαπρίδης⁴⁴. Как показал Э. Брайер, под Τζιαπρίδης Панарет имел в виду тюрок чепни⁴⁵, само же событие произошло в 1348 г., и У. Миллер датирует его именно так — 1348 г.⁴⁶

Большая часть отсылок к тексту хроники Ибн ал-Асира не соответствует реальному расположению материала в ци-

тируемом автором издании (на с. 59, 70, 86 и др.).

В заключение следует признать, что, хотя работа в определенной мере имеет обзорный характер (автор скуп на собственные выводы и часто обходит вниманием остродискуссионные вопросы), она все же является полезным и необходимым изданием как первая в историографии попытка систематизировать важный материал по политической истории Малой Азии первой половины XIII в. Заслугой автора является довольно широкое привлечение литературы на русском языке, что нечасто случается в зарубежной историографии. Украшают работу и облегчают восприятие фактов пять самостоятельно выполненных А. Саввидисом карт.

П. И. Жаворонков, Р. М. Шукуров

⁴⁴ Μιχαήλ τοῦ Παναρέτου περὶ τῶν Μεγάλων Κομνηνῶν/Ἐκδ. Ὁ. Λαμψίδης//ἈΠ. 1958. XXII. Σ. 68.16.

⁴⁵ Bryer A. Greeks and Turkmens: The Pontic Exception // DOP. 1975. 29. P. 132—133.

⁴⁶ Miller W. Trebizond: The Last Greek Empire. L., 1926. P. 54.

Византия и арабы: новые исследования

V. Christidis. The Conquest of Crete by the Arabs (ca. 824) a turning Point in the Struggle between Byzantium and Islam. Athens, 1984. 265 p. 62 fig. 5 map. GRAECO-ARABICA. First International Congress on Greek and Arabic Studies. II, III. Athens, 1983. 297 p.+258 p.

Не так давно вновь прозвучала известная мысль О. Шпенглера, которая, будучи высказанной впервые более полувека тому назад, в значительной степени не утратила актуальности и в наши дни. «Историки, — писал он, — ориентировались на классическую филологию, но горизонт последней кончался на восточной границе греческого языка. Поэтому глубинное единство развития по обе стороны этой границы, попросту не существовавшей на уровне психологическом, так и не было замеченным. . .¹ С полным правом отнеся это высказывание к состоянию византийско-арабских штудий, можно было бы добавить: в значительной степени «граница» между миром Византии и миром ислама искусственно создавалась европейскими учеными начиная с нового времени. В этом сказывалось, с одной стороны, преклонение перед всем греческим (тем более сильным, что сама Греция до начала XIX в. находилась под

османским игом), с другой — пренебрежительно-враждебное отношение к мусульманству².

Сегодняшней наукой, однако, уже немало сделано для разрушения ошибочного представления о почти полной разобщенности обеих культур, которая вкуче с непрекращавшимися конфессиональными спорами и военным противоборством явилась будто бы если не главной, то одной из доминирующих особенностей их контактов³.

Стремление к разрушению старого, во многом априорного представления о взаимоотношениях между миром ислама и Византией — лейтмотив первой из названных работ. Ее автор (ученик Д. Захитиноса) — греческий византинист В. Христидис — наряду с традиционной классической получил также арабистическую подготовку. Это позволило ему параллельно с греческими в полной мере использовать и арабские источники (на

¹ Spengler O. Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. Bd. 2. Welthistorische Perspektiven. München, 1922. S. 228—229. Цит. по: Аверинцев С. С. На границе цивилизаций и эпох: Вклад восточных окраин римско-византийского мира в подготовку духовной культуры европейского средневековья // Восток—Запад. М., 1985. С. 9.

² Показательно, например, отношение к восточным памятникам французского путешественника XVIII в. Жозефа де Турнефора. С его точки зрения, из развалин всех древних городов интерес представляют только греческие — благодаря сохранившимся там надписям. См.: Бартол д В. В. История изучения Востока в Европе и России // Соч. М., 1977. Т. 9. С. 312, примеч. 30. См. также: Klein-Franke F. Die klassische Antike in der Tradition des Islam. Darmstadt, 1980. S. 23, 25—33.

³ Vryonis Sp. Byzantium: it's internal History and Relations with the Muslim World. L., 1974; Cahen Cl. Orient et Occident. P., 1983.

языке оригинала), что, в свою очередь, открыло возможность для нового подхода к оценке всего комплекса арабо-византийских отношений в период арабского владычества на Крите (IX—X вв.). Отметим, что к теме «арабократии» до В. Христидиса обращался ряд видных ученых (М. Канар, Е. В. Брукс, А. А. Васильев, К. М. Сеттон, Э. Арвейлер, Н. Панаютакис и др.), но все они отдавали предпочтение грекоязычным источникам — факт, в значительной степени определивший характер выводов их исследований.

Основное содержание монографии раскрывается автором в пяти главах, где обстоятельно рассказывается о типах и своеобразии используемых источников (I), византийском и мусульманском флоте IX—X вв. (II), захвате острова (III), различных аспектах контактов завоевателей с «туземным» населением (IV), истории завоеваний и падения мусульманского государства на Крите (V). Автор счел нужным также дополнить свой труд четырьмя приложениями — арабским описанием греческого огня, фрагментом жития св. Феоктисты, рассказом об обретенной мощей святых Валерия, Викентия и Евлалии (араб. текст с англ. переводом), описанием пути и особенностей продвижения византийского флота под командованием Никифора Фоки на Крит. Почти во всех случаях иноязычные цитаты, иллюстрирующие исследование, сопровождаются переводом — это делает книгу доступной для самого широкого круга специалистов.

Одно из достоинств монографии В. Христидиса, как уже было отмечено, — обилие и разнообразие привлеченных им источников. Наряду с арабо- и грекоязычными письменными памятниками различных жанров он использовал эпиграфические и нумизматические данные, книжные миниатюры, граффити и археологический материал. Осознание ученым важности историко-географических исследований отразилось в попытке «привязать» события к конкретному месту действия (ср. карты № 1—5: «Арабские рейды в Эгейское и Ионическое моря. . .», «Арабо-византийские военные действия в Эгейском море» и др.).

Однако полнота источников сама по себе еще не является залогом исчерпывающего освещения событий и не означает, что перед историком не было никаких трудностей. Напротив (и это необходимо особенно подчеркнуть), их использование

в монографии было осложнено, в частности, почти полным отсутствием «перекрещивающихся» сведений в византийских и арабских текстах и фрагментарностью тех сообщений, которые имелись в распоряжении исследователя. Подчас, что В. Христидису удалось показать, в основе фактов, сообщаемых средневековым автором, лежит устная традиция, которая служит помехой «прямому» обращению к ним, скажем, для изучения социально-экономических и политических проблем (с. 3, 17—18, 159—160 и т. д.).

Однако даже относительно возможности использования в качестве «исторических источников» в традиционном смысле этого понятия и тех немногих памятников, в которых их авторами, казалось бы, уделено непосредственное внимание событиям, связанным с захватом арабами Крита («О захвате Фессалоники» Иоанна Камената⁴ и «О захвате Крита» Феодосия Диакона⁵), не так давно высказывались сомнения.

Эти трудности поставили В. Христидиса перед необходимостью уделить особое внимание методике работы с источником. Каковы же исследовательские приемы автора?

Прежде всего это сопоставление данных, содержащихся в византийских и арабских текстах, благодаря чему В. Христидису удалось оттенить сходство между мусульманами и византийцами в некоторых жизненных сферах — сходство, которое раньше почти не указывалось. Так, целая глава книги посвящена византийскому и мусульманскому флоту⁶. Автор сравнил сведения обеих групп источников по следующим направлениям: корабли (различные типы судов, их названия, вооружение, оснастка и т. п.), их экипаж (социальный и этнический состав матросов и офицеров, функции тех и других, оплата служб), военная разведка, морально-политическое воздействие на корабельные команды собственных кораблей и судов противника⁷, руководства по морскому делу. В. Христидис обратил внимание на схожесть боевой тактики, способа ведения разведки и оповещения о приближении противника. Примечательно, что состав экипажей флота у каждой из сторон не был этнически однороден, а главное различие между последними продолжало оставаться профессиональным. Примерно в одно и то же время во главе мусульманского флота стояли ренегаты-христиане Лев

⁴ *Kazhdan A. P. Some Questions addressed to the Scholars who believe in Authenticity of Caminates' Capture of Thessalonica // BZ. 1978. 71. P. 301—314.* В рассматриваемой монографии В. Христидис повторяет ряд положений, выдвинутых им ранее в полемической статье по поводу аутентичности сочинения Камената. См.: *Once again Caminates' Capture of Thessaloniki // BZ. 1981. 74. P. 7—10.*

⁵ См.: *Сериков Н. И. Рец.: Theodosius Diaconus. De Creta capta / Ed. U. Criscuolo. Leipzig, 1979 // ВВ, 1982. 43. P. 259—262.*

⁶ Ср. оставшуюся неизвестной В. Христидису работу арабского исследователя: *Фарах Н. Морские отношения арабов и Византии в VII в.: Дис. . . канд. ист. наук. Л., 1971.*

⁷ В. Христидису осталась неизвестной еще одна работа на эту тему: *Кучма В. В. Методы морально-политического воздействия на византийское войско по «Тактике Льва» // АДСВ. 1965. С. 106 и сл.*

Триполитанин (Абу Харис Гулям Зарафа) и Дамиан (Гулям Йазман), тогда как византийским командовал христианин Насар, вероятно сириец (или даже араб) (с. 161, 158).

Выявленные путем сопоставления сведения о применении обеими сторонами «греческого огня» В. Христидис предвзятует замечанием о том, что игнорирование исследователями соответствующих сообщений мусульманских авторов приводило к ошибочному выводу, согласно которому этим страшным оружием владели лишь византийцы (с. 63—66)⁸.

Сопоставляя содержащиеся в трактате Ибн Манкали фрагменты арабского перевода «Навмахии» Льва VI с ее греческим оригиналом, исследователь проанализировал характер ошибок переводчика. Их причину и корни он усматривает в том, что мусульманину было трудно вообразить себе некоторые конкретные черты организации византийского флота. Так, переводчику было чуждо представление, что гребцы могли выполнять и функции корабельных мастеров, что для византийского флота являлось обычным делом. «Эта ошибка, — пишет В. Христидис, — лишний раз подтверждает положение о существовании в мусульманском флоте строгой специализации» (с. 53).

Результативным оказывается и обращение историка к аналогиям (с. 105). Зачастую ему, в частности, удается реконструировать ход событий, сведения о которых фрагментарны или вовсе отсутствуют. Так, путь Никифора Фоки на Крит воссоздан им по «стадиодромикону» из *De Ceremoniis* Константина Багрянородного, а тип кораблей, на которых тот двигался к острову, — по болгарским граффити этого времени. Наконец, анализ розы ветров и особенностей устройства кораблей византийской флотилии позволил исследователю убедительно опровергнуть версию, распространенную в устной традиции, о промежуточной остановке Никифора (по дороге к Криту) на о-ве Карпафос (с. 176, 221—225).

Оказывает автору помощь и археологический материал, различные памятники материальной культуры. В. Христидис показывает, что рассуждения византийских авторов о «зверствах» мусульман на захваченном острове и «страданиях», которые подневольное население испытывало вследствие принудительного обращения в ислам, — во многом дань литературной традиции. Что такие сведения не соответствуют действительности, явствует уже в принципе толерантного отношения мусульман к христианам, как к «людям Писания»⁹. О преувеличениях византийских авторов с уверенностью

позволяет говорить и характер декора церкви св. Тита (Крит, Гортина). Он дает право утверждать, что церковь не только не была разрушена «неверными», но, более того, обновлялась за время «арабократии» (с. 109—110).

Возможность адекватного толкования арабских и греческих источников открывает и сравнение двух миниатюр, на которых изображено как будто одно и то же лицо — Никифор Фока. Согласно остроумному предположению В. Христидиса, в действительности мы имеем здесь дело не с изображением одного и того же лица в разное время (как полагал, например, Сп. Лампрос), но с иллюстрацией, призванной охарактеризовать психологическую «контрастность» самой личности императора (с. 174). Добавим, что подобный прием трактовки личности в изобразительном искусстве отмечен также на материале мусульманской живописи¹⁰.

Наконец, использование нумизматических памятников позволяет автору правильно определить имя эмира Крита, которое встречается в нарративных источниках в двух вариантах ('Абд ал-'Азиз б. Шу'айб, а не б. Хабиб!), сделать заключение о торговых контактах мусульманского Крита с Византией (с. 98—99, 199).

Ограниченный объем рецензии не позволяет детально остановиться на всех отмеченных исследователем «мелочах» и «частностях», которые в своей совокупности не только объясняют причины ряда несовпадений в сообщениях византийских и арабских источников, но и дают возможность во всей полноте восстановить картину «арабократии» на Крите, византийско-арабских (христиано-мусульманских) контактов и представить специфику их проявления в различных сферах.

Помимо характеристики флота каждой из держав-соперниц, внимание В. Христидиса привлекли две другие проблемы: захват острова арабами и последовавшая через 137 лет византийская «реконкиста», а также особенности сложившегося за время «арабократии» христиано-мусульманского симбиоза.

В. Христидисом убедительно показана несостоятельность традиционной, восходящей еще к Э. Гиббону точки зрения, согласно которой обособившихся на Крите арабов считали прежде всего пиратами (с. 81). Исследователь доказал, что захват острова людьми Абу Хафса 'Умара б. Исы б. Шу'айба ал-Баллуты явился во многом вынужденной акцией. По мнению В. Христидиса, значительная часть соратников Абу Хафса принадлежала

⁸ О «греческом огне» см. также: *Vasojević A. et N. НАФΘΑ // Philologus. 1984. 128, 2. P. 208—229.*

⁹ *Sourdel D. et J. La civilisation de l'Islam classique. P., 1968. P. 43, 228, 158—159, 434—464.*

¹⁰ *Шукуров Р. М. «Шах-наме» Фирдоуси и ранняя иллюстративная традиция. М., 1983. С. 134—135.* Автор ставит «многоликость» и «непостоянство» облика Рустама на иранских миниатюрах в зависимость от нахождения героя в «качественно разных пространствах». (Там же. С. 139).

к испанским мусульманам местного происхождения (муваллидам)¹¹, после неудачного мятежа изгнанным из Кордовы омейядским эмиром ал-Хакамом I (796—822 гг.). Не сумев осесть в Александрии (откуда их также изгнали), они стали искать новое прибежище и были направлены египтянами на Крит. Наряду с египетской помощью захват острова облегчило отсутствие серьезного сопротивления Византии. В это время ее войска были заняты подавлением восстания Фомы Славянина (821—823 гг.). Несовпадающие сообщения византийских и мусульманских источников — и это удалось доказать исследователю — объясняются тем, что завоевание острова осуществлялось постепенно, заняв несколько лет, в то время как «реконкиста» (или, по выражению В. Христидиса, «ревизантинизация»; с. 172, 184) совершилась молниеносно.

В монографии отмечается, что в экономическом и торговом отношении мусульманский Крит представлял собой высокообразованное государство. Этот вывод сделал В. Христидис на основе анализа ремесленного производства, его уровня и особенностей развития экспортной торговли (особ. с. 116), наконец, по полной весной золотой монете. Увеличение численности мусульманского населения острова, о чем сообщают мусульманские источники, происходило не вследствие насильственного обращения в ислам автохтонного населения, а за счет внешнего притока — переселения мусульман из Египта, Сирии, мусульманской Испании. В. Христидис неоднократно указывает на толерантное отношение завоевателей к местному христианскому населению: за 137 лет владычества арабов, как это видно из жития Никона Метаногите, жители-христиане оставались православными, хотя и отступили от традиций иконопочитания.

Остров не был отрезан и от византийского мира. Помимо упоминаний о торговле с империей, сохранились сведения об ἀλλάγια — обмене пленными между мусульманами с Крита и византийцами (КАМ.63.15—16)¹².

Судя по некоторым данным, в период мусульманского владычества не затухала и культурная жизнь острова. Мы располагаем сведениями о существовавшей там системе образования (с. 115); аль-Химьяри и ал-Йакут упоминают о некоем кади 'Ийаде (с. 133), чьи сочинения, правда, не сохранились.

Из всего перечисленного логически вытекает вывод, который В. Христидис завершает монографию: «Ученые, — пишет он, — по привычке считающие Крит „пиратским гнездом“, забывают о том, что это была первая попытка пере-

несения восточной культуры на остров Эгейского моря, в массе своей населенный греками. Мусульманский Крит можно было бы рассматривать как культурное связующее звено с Византией, каким на Западе являлись мусульманская Испания и мусульманская Сицилия» (с. 195). Вместе с тем, хотя работа В. Христидиса и выполнена с бесспорной тщательностью, в ней налицо определенные недочеты.

Вызывает сомнение правомерность использования одного из традиционных элементов характеристики творческого метода Иоанна Каменята: «... в отличие от многоученых византийских историков, он (Каменят. — Н. С.) не использует никаких письменных источников, чтобы дополнить собственные сведения» (с. 7). Отметим, однако, что Каменят использовал все же сведения античных авторов. В доказательство приведем ряд цитат, не выявленных издательницей текста Гертрудой Бэлиг¹³:

КАМ.19.5 κατὴν μέληθ' Ἰλασθεῖς (Hom. II., 5, 307)

КАМ.28.78 σὺν ἀγρίων (Hom. II., 12, 146)

КАМ.28.81 βύθιον ἔβρουεν (Hom. II., 18, 264)

КАМ.25.59, 43.58 ὑλακτικοὶ κόνες (Lucian. Bis Acc., 33; Lampe, 1424)

КАМ.26.95—96 ὁμασι σφριγόντες (Eug. Andr., 196; Plato. Leg., 840 B)

Замечание В. Христидиса относительно кораблей с двумя рулями необходимо дополнить — этот тип судов в мусульманском флоте (с. 46), согласно свидетельству Ибн Джубайра, был характерен только для Средиземноморья¹⁴.

Вызывает сомнение арабская этимология греческого названия одного из типов кораблей: κομβάρια (с. 66). Автор предлагает возводить это название к *كمبر*. В этом случае непонятно,

почему отбрасывается первый член словосочетания. С другой стороны, если даже допустить, что *κομβάρια* восходит к *كمبر*, то диграф *ou* не может передавать звук *ə* в данном арабском слове: *kəbīr*. Более правомерным представляется возводить *κομβάρια* к лат. *cumba* < греч. *κύμβα* (ср. возможные латинские написания — *cumba* и, NB, *cumba*).

На с. 91 неверен перевод цитаты из сочинения ал-Балазури «Китаб футух ал-Булдан» (Бейрут, 1978. С. 238): *الروم حتى لم يبق فيها من* until nothing was left to the Byzantines (до тех пор пока византийцам ничего не было оставлено). Надо: «до тех пор пока не осталось там румов».

¹¹ Т. А. Шумовский, напротив, видит в восставших против ал-Хакама I «арабское население Кордовы». См.: *Ахмад ибн Маджид*. Книга польз об основах и правилах морской науки / Крит. текст, пер., коммент., исслед. и указ. Т. А. Шумовского. Т. I—II. М., 1985. Т. I. С. 79.

¹² *Ioannis Caminiatae De Expugnatione Thessalonicae* / Rec. G. Böhlig. Berol.; Nov. Ebor., 1973.

¹³ Рец. на издание Бэлиг см.: ВВ, 1975. 37. С. 276—278.

¹⁴ *Meu* А. Мусульманский ренессанс. М., 1973. С. 401.

На с. 215 (8 стк. араб. текста повествования «Об обретении мощей св. Валерия и др.»), вероятно, опечатка: не جوارى, а حواری.

На с. 215 (11 стк. араб. текста, там же) الله الخالق كل شيء] وناقله كمايشاء первая половина фразы (отделенная прямой скобкой), по всей видимости, кораническая цитата или аллюзия [Коран 39 : 63 (62)].

Разумеется, высказанные замечания не могут умалить несомненные достоинства работы В. Христидиса.

* * *

По своему подходу к изучению арabo-византийских отношений и их особенностей работа В. Христидиса примыкает к новому направлению исследований в этой области, которое наметилось в современной греческой арабистике и византиноведении и заявило о себе на страницах начавшего выходить в Афинах с 1982 г. специального журнала «Греко-Арабика» (далее: ГА), сразу же завоевавшего признание ученых многих стран. Ниже рассматриваются второй и третий выпуски ГА, которые содержат материалы состояв-

шегося летом 1983 г. в Афинах Международного конгресса по изучению греческо-арабских контактов¹⁵.

В опубликованных докладах исследователей из полудюжаты десятка стран освещен большой круг проблемы арabo-греческих связей, включающий исторический, философский, религиозный и искусствоведческий аспекты. Широкий и хронологический диапазон анализируемых сюжетов — от начальной истории человечества до XVIII в.

Мы остановимся лишь на тех материалах, которые относятся непосредственно к арabo-византийским контактам в средние века (исключение образует только искусствоведческая тематика).

Ряд работ посвящен проблемам «буферной», или «контактной», зоны — региона столкновения и наиболее активного взаимодействия византийской и мусульманской культур. Это территория Северной Африки, Сирии и Палестины, а также стран, расположенных вдоль побережья Красного моря. Социальный состав нубийского общества в VI в., наметившиеся пути его христианизации проследил на материале эпиграфики С. Донадони. К его исследованию примыкает статья Г. Вантини, содержащая в ряде случаев частичный перевод греческих, сирий-

¹⁵ К сожалению, первый выпуск журнала мне не доступен. Пользуюсь случая поблагодарить д-ра В. Вавржинека (Прага) за любезно присланные 2-й и 3-й выпуски. Вот их оглавление: *Macuch R.* Greek and Oriental Sources of Avicenna's and Sohrawardi's Theosophies (II, 9—22); *Al-Sharkawi E. M.* The Aristotelian Categories and the Problem of Attributes in Islamic Theology (II, 23—37); *Ziakas G.* The Problem of Origin of the Pseudo-Aristotelian Arabic Works (II, 39—50); *Smith M.* How Magic was changed by the Triumph of Christianity (II, 51—58); *Carlotoglou A.* Pseudo-Méthode de Patara: «Le temps de l'apostasie et du châtement des fils d'Ismael (II, 59—68); *Shama M.* The Islamic Attitude towards Greek Philosophy (in Arabic) (II, 69—85); *Mazzaoui M.* East and West: Moslem Intellectual History during the Eighteenth Century (II, 87—97); *Giannakis E.* The Concept of the term umma during the Life of the Prophet Muhammad (II, 99—111); *Meimaris Y., Selim A.* An Arabic Version of the «Life» of St. Theodore of Edessa «Ar-Raha» the Sabaite (II, 113—117); *Peters F. E.* Who built the Dome on the Rock? (II, 119—138); *Argyriou A.* Un «Roman de Mahomet» grec inédit (II, 139—190); *Elsaadani M. J.* An Evidence of Similarity and Difference from Prehistoric Crete (II, 191—197); *Rodziewicz M.* Alexandria and District of Ma-reotis (II, 199—216); *Gawlikowski M.* Allat-Athena of Palmyra (II, 217—226); *Rassart-Debergh M.* Survivances de l'hellenistico-romain dans la peinture copte (antérieure au IXe siècle) (II, 227—247); *Delivorrias A.* Greek Studies on Arab Art Treasures: A Benaki Museum Project (II, 249—264); *Philon H.* A Mamluk Deposition from the Cross (II, 265—273); *Desanges J.* L'Hellenisme dans le royaume de Méroë (II, 275—296); *Donadoni S.* Les Inscriptions Grecques de Nubie (III, 9—19); *Vantini G.* Greek and Arab Geographers on Nubia (ca 500 BC — 1500 AD) (III, 21—50); *Lazarou A.* Présence Hellénique en Egypte Romaine (III, 51—76); *Bhattacharya M.* Absorption of Yavanas and Sakas in Indian Society and some aspects of social mobility (III, 77—83); *O' Bweng K.* Les Négro-Africains dans les Relations Arabo-Byzantines (V^e—Xe s.) (III, 85—94); *Kaegi W. E. Jr.* Byzantium and the Early Trans-Saharan Gold Trade: a Cautionary Note (III, 95—100); *Ryden L.* The Portrait of the Arab Samonas in Byzantine Literature (III, 101—108); *Marin M.* «Rum» in the Works of three Spanish Muslim Geographers (III, 109—117); *Δικονομακης Ν. Ε.* 'Η 'Αθήνα και ή Πελοπόννησος τὸ 10 αἰ. μ. Χ. (III, 119—127); *Kolias T. G.* The Taktika of Leo VI the Wise and the Arabs (III, 129—135); *Christidis V.* Naval Warfare in the Eastern Mediterranean (6th—14th Centuries) An arabic Translation of Leo VI's Naumachia (III, 137—148); *Kyrris C. P.* The Nature of the Arabo-Byzantine Relations in Cyprus from the Middle of the 7th to the Middle of the 10th Century AD (III, 149—175); *Meimaris Y.* The Arab (Hijra) Era mentioned in Greek Inscriptions and Papyrus from Palestine (III, 177—189); *Λωλος Α. Χ.* 'Η ἀραβική μετάφραση τοῦ μεταγενεστοῦ Μυθιστορήματος τοῦ Ψευδο-Καλλισθένης γιὰ τὸ Μέγα 'Αλέξανδρο (III, 191—202); *Papathomopoulos M.* Greek Sources for the History of the Arabs in the Pre-Islamic Period (III, 203—205); *Condy-lis H.* A propos de la Traduction Grecque de Kalila wa-Dimna (III, 207—212); *Κεχαγιωγλου Γ.* 'Η πρώτη έντυπη ελληνική Μετάφραση τῆς Διήγησης Alf Layla wa-Layla (III, 213—228); *Καροτασογλου Κ.* 'Ετυμολογικὲς σημειώσεις (III, 229—258).

ских и арабских источников по истории Нубии — от Геродота до Ибн 'Ийаса (XVI в.).

В. Э. Кэги поставил под сомнение тезис Т. Ф. Гаррарда относительно того, что в III—VII вв. функционировал «транс-сахарский золотой путь, обеспечивавший приток золота в византийскую Африку».

Классическая философия — та сфера греческой культуры, которая, может быть, в наиболее значительной степени была освоена и усвоена мусульманами. Они заимствовали идеи, переводя при этом на арабский язык философские понятия, однако и по сей день до конца неясны как особенности трансформации философских идей греков в мусульманской среде, так и роль этого процесса «эллинизации» в самой мусульманской культуре.

Влияние на учение о божестве, выдвинутое у Абу 'Али Ибн Сины Авиценны (ум. 1037) и у одного из столпов суфизма — иранского философа Шихаб ад-Дина Йахья ас-Сухраварди (ум. 1191), — тема статьи Р. Макуха. Автор, в частности, сумел разрешить два спорных вопроса. Так, он считает, что в названии трактата Авиценны «Хикма ал-машрикийа», второе слово означает «восточный» и поэтому должно быть огласовано фатхой (мАшрикийа), а не даммой (мУшрикийа), что, в свою очередь, переводилось бы как «озаренный божественным светом». В трактате ас-Сухраварди «Хикма ал-ишрак» речь, напротив, идет именно о философии (божественного) озарения. Анализируя трудный пассаж указанного трактата ас-Сухраварди (с. 254: 9 и сл., ed. Corbin) hür qā'ūa, Р. Макух видит в первом компоненте словосочетания мандейское anhur, неправильно понятое как персидское hür.

Стоицистическая философия оказала влияние на учение ап'аритов и му'тазилитов о божественных атрибутах — такова главная мысль статьи Аш-Шаркави. Сходное представление обосновывается и в статье А. Шама, посвященной исследованию отношения арабской к греческой философии. Тема статьи Г. Циакаса — псевдоаристотелевы сочинения на арабском языке. Исходя из анализа переводческой деятельности арабов, автор показал, что значительная часть этих произведений была написана на арабском языке или переведена с греческого в первые века мусульманского господства на захваченных у Византии территориях. Поэтому нередко указанные сочинения имеют апокалиптический характер и в известном смысле могут считаться закономерным продолжением эллинистических литературных традиций на мусульманском Ближнем Востоке.

Византийско-арабские отношения в области политики освещаются в статьях К. О'Бвенга и К. Кирриса. Африканский исследователь (Университет Любумбаши) рассмотрел роль негритянского населения Черного континента в мирных и военных контактах между арабами и византийцами. Используя в качестве источников преимущественно жития греческих святых, а также мусульманские хроники,

он пришел к выводу, согласно которому с V по X в. в ходе военных столкновений византийцев с арабами африканские негры выступали сначала союзниками одной, а потом — другой стороны. В мирных отношениях двух держав негры являлись торговыми посредниками. Византийско-арабское соглашение по Кипру (648/9 или 688 г.) — предмет статьи К. Кирриса. На основе византийских и мусульманских нарративных источников ему удалось доказать, что до 963/4 г. остров находился под властью обеих держав.

Значительная часть докладов конгресса была посвящена византийско-арабским литературным связям, прежде всего той информации, которой стороны располагали друг о друге. Й. Меймарис и А. Селим сделали предварительное сообщение об обнаруженном Й. Меймарисом втором списке арабской редакции жития св. Феодора Эдесского: в настоящее время ученые располагают лишь изданием греческой редакции жития. Л. Риден проследил *sigillum vitae* известного персонажа византийской истории араба Самоны. Главный вывод исследователя в том, что арабо-византийское противостояние относилось преимущественно к конфессиональной сфере. Стоило мусульманину принять христианство и начать служить христианской империи, как его возможности продвижения по иерархической лестнице становились, по крайней мере теоретически, беспредельными. Сведения о Греции, островах греческого архипелага, Константинополе и Малой Азии, сообщаемые тремя испано-арабскими географами — Абу 'Убайдой ал-Бакри (ум. 487/1184), аз-Зухри (жил в VI/XII в.) и Ибн Са'идом (ум. 678/1244 или 685/1286), анализируются в статье М. Марин. Эти сведения отражают круг интересов мусульман к немусульманским народам и странам: географы обращают внимание на события их истории, исследуют этимологию названий различных областей. Не остается вне поля зрения и чисто «утилитарный» аспект: мусульмане приводят данные о расстояниях между различными городами Византийской империи и Халифата, особенностях импорта и экспорта. М. Марин поместил перевод отрывка из сочинения Ибн Са'ида, касающийся Греции. Сочетание традиционного и реального в сообщениях мусульманских географов об Афинах и Пелопоннесе проанализировал также Н. Икономакис. А. Х. Лолос привлек внимание к существующим спискам арабской редакции псевдокаллистенена «Романа об Александре» и высказал, в частности, мнение, что в основе арабской редакции находился греческий список, восходящий к *Codex Constantinopolitanus* или *Codex Sinaiticus*. Вопрос об одном из немногих переводов памятников ближневосточной словесности — сборника басен «Калила и Димна» — рассмотрен в статье Е. Кондилис. Исследовательница указала на различия между арабским оригиналом и греческим переводом, а также на особенности в передаче риторических оборотов, показав, таким образом, механизм про-

никновения элементов ближневосточной культуры, включая мусульманскую, в грекоязычную среду. Комментарий к ряду пассажей 10—14-й глав «Откровения» Псевдо-Методия Патарского дан в статье А. Кариотоглу. Оценивая текст этого памятника с точки зрения византийской политической пропаганды, автор, в частности, предлагает новое толкование слов *ἀποστασία* (сир. мардута) и *πίδεια*. По его мнению, «апостатами», которых ожидало неминуемое «поучение», были как сами мусульмане, так и находившиеся под их властью христиане¹⁶.

Весьма интересный позднегреческий «Роман о Магомете» впервые опубликовал по рукописи Пантелеймонова монастыря на Афоне (№ 110) А. Аргириу. Издатель снабдил публикацию французским переводом и обширным комментарием. Ученые получили текст, на основании которого можно судить о специфике восприятия образа основателя мусульманской религии в христианском мире, в первую очередь греческом¹⁷.

Две статьи ГА посвящены военному аспекту арабо-византийских контактов. Т. Колиас систематизировал по «Тактике» Льва VI представления византийцев об арабах как военном противнике. Главные аспекты, которые привлекали в этом плане внимание Льва VI, были приемы ведения арабами военных действий на море и на

суше, типы их вооружения, военная выучка и «рекрутский набор». Фрагменты перевода на арабский язык греческого текста «Навмахии» — другого сочинения Льва VI — в трактате Ибн Манкали «Ал-Ахкам фи Фан ал-Китал фи-л-Бахр ал-Мулукия ва-л-Давабит ал-Намусийа» исследованы В. Христидисом. Особенное внимание автор уделил византийским и арабским морским терминам. Он приложил к своей статье их двуязычный список. Об упоминании арабского летосчисления (*κατὰ ἼΑραβας*) в палестинских папирусах и эпиграфических памятниках говорится в статье Й. Меймариса, который доказал, что за 77 лет до введения летосчисления по хиджре (637 г.) в Палестине существовала арабская система датировки событий, использовавшая македонские месяцы и византийские индикты. После введения летосчисления по хиджре та же формула приобрела иное содержание: теперь под словами *κατὰ ἼΑραβας* стали подразумевать мусульманскую датировку.

Заключая обзор, можно с полным правом сказать, что охарактеризованные здесь работы вносят весомый вклад в разрушение традиционного представления о якобы непроницаемом «барьере», отделявшем мир ислама от греко-христианского мира Византии.

Н. И. Сериков

¹⁶ Очевидно, автору остались неизвестными две недавно вышедшие статьи: *Кривош М. В.* Откровение Псевдо-Методия Патарского как отражение народных взглядов на арабское нашествие // ВВ, 1983. 44. С. 215—221; *Reinink G. J.* Der Verfassersname «Modios» der syrischen Schatzhöhle und die Apokalypse des Pseudo-Methodios // ОС, 1983. 67. S. 46—64. Последний, кстати, предложил считать «Откровение» и сирийский апокрифический памятник «Пещера сокровищ» принадлежащими перу одного и того же автора. Сравнение двух памятников с целью выявить способ выражения в них идея отступничества, вероятно, могло бы подкрепить выводы А. Кариотоглу.

¹⁷ См. также: *Khoury A. T.* Les théologiens byzantins et l'Islam. Textes et auteurs, VIIIe—XIIIe s. P., 1969. T. II. P. 167—168, 175.

Eliz. A. Zachariadou. Romania and the Turks (c. 1300—c. 1500). L. (Variorum Reprints), 1985. 304 p.

В сборнике статей Элизабет А. Захариаду, работающей в университете г. Ретими (Крит), помещено 17 работ, вышедших в 1962—1982 гг. в различных периодических изданиях и сборниках (на английском, французском, греческом и итальянском языках). Он открывается двумя статьями «Замечания по поводу некоторых тюркских слов в сочинении Пахимера» (№ 1) и «Пахимер о династии „Амурион“ — правителей Кастамону» (№ 2). В обеих статьях автор идентифицирует ряд тюркских имен, титулов и слов, обозначающих профессию и встречающихся в сочинении византийского историка. Результаты исследования такого рода во многом проясняют некоторые «темные» эпизоды сельджукской истории последних десятилетий XIII в. В особенности это относится к статье о тюркских правителях Кастамону (№ 2). В целом обе статьи можно считать полезным до-

полнением ко второму тому «Византино-турки» Д. Моравчика. Правда, одно из самых загадочных тюркских слов (*Σάλπακис* или *Σαλαμπакис*) в «Истории» Георгия Пахимера не стало предметом изучения Захариаду (№ 1, с. 261). Свой вариант прочтения она предложила в недавно опубликованной монографии: по мнению исследовательницы, *Σάλπακис*, или, как его называет в одном из своих писем Максим Плануд, *Σαλαμάττις*, — это Саламат, имя тюркского бея из династии Ментешеогулары¹. С такой дешифровкой трудно согласиться; скорее всего, в данном случае перед нами — первые упоминания византийскими авторами титула «челеби» (конъектура: *Σαλαμάττις* = *Σαλαμπής*), широкая распространенность которого среди анатолийских беев в XIV в., на наш взгляд, была связана с пропагандистской деятельностью суфийского братства мевлеви².

¹ *Zachariadou E. A.* Trade and Crusade: Venetian Crete and the Emirates of Menteshe and Aydin (1300—1415). Venice, 1983. P. 105—106. См. нашу рец.: ВВ, 1986. 47.

² См. нашу статью: Еще раз о слове «челеби» // СТ, 1986 (в печати).